

рядъ своихъ археологически-фантастически-аллегорически-поэтическихъ романовъ; является «Аббадонна» Полевого; выходитъ вторая часть «Дворянскихъ выборовъ» и «Шельменко, волостной писарь», «Были и Небылицы», казака Луганскаго; въ то же время выпускается полное изданіе повѣстей Марлинскаго; Погодинъ перестаетъ писать повѣсти и издаетъ вмѣстѣ всѣ написанныя прежде; Полевой пишетъ «Живописца», «Блаженство Безумія», «Эму». Нѣкоторые изъ этихъ произведеній были очень замѣчательны для своего времени, и даже въ слабѣйшихъ изъ нихъ, не исключая ни приторно-сентиментальнаго и скучно-резонернаго «Семейства Холмскихъ», ни ложно-идеальныхъ повѣстей Полевого, есть свои хорошія стороны. Вообще вся эта романическая литература носить на себѣ отпечатокъ переходности и нерѣшительности; въ ней виденъ порывъ къ чему-то лучшему противъ прежняго, къ чему-то положительному, но только одинъ порывъ, безъ достиженія. Изъ этого не исключаются и «Повѣсти Бѣлкина», Пушкина, изданныя въ это же время. Въ то же время среди всѣхъ этихъ, болѣе или менѣе однородныхъ, явленій возникла совершенно новая романическая литература, которая не имѣла ничего общаго съ первой и въ послѣдствіи окончательно убила ее, давъ всей русской литературѣ совершенно новое направленіе. Въ 1831 году вышла первая, а въ 1832 году вторая часть «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки»; въ 1835 году напечатаны «Арабески» и «Миргородъ», а въ 1836—«Ревизоръ». Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какое огромное вліяніе имѣли эти произведенія Гоголя на русскую литературу; только дѣйствительно слѣпые или притворяющіеся слѣпыми могутъ не видѣть и не признавать этого вліянія, вслѣдствіе котораго всѣ молодые писатели пошли по пути, указанному Гоголемъ, стараясь изображать дѣйствительное, а не въ воображеніи существующее общество; изъ прежнихъ писателей нѣкоторые перемѣнили свое прежнее направленіе, подчинясь новому, данному Гоголемъ; а тѣ, которые не были въ состояніи этого сдѣлать, или перестали вовсе писать, или продолжали писать безъ всякаго успѣха. Это совершилось въ послѣдніе десять лѣтъ. Гоголь не издавалъ ничего послѣ «Ревизора» 1842 года, а дѣло шло своимъ чередомъ, и время лучше всѣхъ критиковъ рѣшило вопросъ. «Мертвыя Души», заслонившія собою все написанное до нихъ даже самимъ Гоголемъ, окончательно рѣшили литературный вопросъ нашей эпохи, упрощивъ торжество новой школы.

«Скопикъ Шуйскій» Шишкиной явился въ 1835 г., когда старая романическая шко-

ла уже совершила свой кругъ, а новая, еще не бывъ признанной, уже оказывала сильное вліяніе. Романъ Шишкиной былъ не безъ достоинствъ, особенно для того времени; но онъ далеко не могъ спорить въ достоинствѣ съ романами, которые породили его. Проходить десять лѣтъ, все измѣняется въ литературѣ, какъ мы уже сказали объ этомъ; журнальные корифеи начала тридцатыхъ годовъ, «Телеграфъ» и «Телескопъ»,—теперь уже не болѣе, какъ отдаленное воспоминаніе, «дѣла давно минувшихъ дней»; даже «Библиотека для Чтенія», смѣнившая ихъ, уже дожила до глубокой старости; «Отечественныя Записки», долго колебавшіяся въ своемъ направленіи, наконецъ, вполне овладѣли имъ, возмужали и укрѣпились; обо многомъ въ это десятилѣтіе было переговорено, переспорено и во многомъ даже согласились,—словомъ, все измѣнилось; но новый романъ Шишкиной, «Прокопій Ляпуновъ», вышелъ вѣрнымъ 1835 году, такъ что, читая его, не вѣришь 1845 году, выставленному на его заглавіи. Теперь этотъ романъ принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которые не производятъ особеннаго впечатлѣнія, слегка похваливаются, слегка почитываются и скоро забываются. Между тѣмъ онъ не безъ достоинствъ: написанъ правильнымъ и чистымъ языкомъ; разсказъ мѣстами хорошъ; историческая сторона его показываетъ основательное изученіе исторіи,—но нѣтъ творчески очерченныхъ характеровъ, нѣтъ поэтически вѣрнаго проникновенія въ духъ и значеніе исторической эпохи, нѣтъ эстетической жизни. Во многомъ замѣтенъ взглядъ слишкомъ далекій: такъ, напримѣръ, въ предисловіи сочинительница, въ доказательство, что нельзя вѣрить безкорыстію Ляпунова, приводитъ, что онъ былъ дурнымъ мужемъ и не всегда трезво велъ себя,—какъ будто нельзя быть въ одно и то же время и дурнымъ мужемъ, и ревностнымъ патриотомъ? Безъ всякаго сомнѣнія, быть дурнымъ мужемъ—не достоинство, а порокъ; но неужели патриотъ непременно долженъ быть ангеломъ и имѣть всѣ добродѣтели? Если можно быть превосходнѣйшимъ мужемъ и отцомъ, и въ то же время вовсе не быть патриотомъ: почему же нельзя быть дурнымъ мужемъ и патриотомъ! Конечно, гораздо лучше быть и хорошимъ мужемъ, и патриотомъ вмѣстѣ, но люди—прежде всего люди, чтѣ бы ни говорили на этотъ счетъ дамы... Что же касается до нетрезвости, этотъ порокъ въ тотъ вѣкъ не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ считался добродѣтелью мужчины: тогда пили не по нынѣшнему и хвалились пьянствомъ, какъ храбростію. Лучшей оцѣнкой новаго романа Шишкиной могутъ служить ея собственныя слова въ предисловіи: